

А. А. Вовин

Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв.

В настоящей статье рассматривается один из аргументов в пользу тезиса о том, что процессы, происходившие в социальных и политических структурах Пскова в XIV–XV вв., соответствуют тем трансформациям, которые переживали города Западной и Центральной Европы в период XI–XIII вв., а сам Псков вполне вписывается в сложившиеся в историографии представления о средневековой городской коммуне. Причем наибольшее сходство обнаруживается с североитальянскими городами, обладавшими, как и Псков, подчиненной территорией и бывшими активными участниками политических процессов.

«Ранняя», или «первая» коммуна (*il primo commune*) — термин, введенный в научный оборот итальянской историографией и используемый преимущественно применительно к южнофранцузским и североитальянским городам. Возник он еще в первой половине XX в., когда сформировались основные направления изучения средневекового города. В немецкой и итальянской историографических традициях по-разному принято видеть момент создания коммуны. Консулы североитальянских городов упоминаются в источниках во второй половине XI — начале XIII в., после чего их сменяют подеста (*podesta*) — новый тип городского магистрата, представляющий собой правителя, приглашенного из другого города и лишенного таким образом локальных политических симпатий, которые нередко проявлялись у консулов предшествующего периода. Всю эпоху консулов обычно называют «первой коммуной», а следующую за ней — «высокой», или «второй». В историографии германских городов, в которых такой смены системы управления не произошло, нет и разделения на две коммунальные эпохи.

Однако, как впервые заметил Хаген Келлер, опираясь на первые известия о консулах в том или ином городе, мы рискуем принять за действительный факт возникновения коммуны то, что является следствием фрагментарности наших источников¹. Эта мысль нуждается в пояснении. В Асти консулы упоминаются впервые в 1095 г., в соседней Альбе только в 1179 г., в Вертичелли в 1141 г., в Комо в 1109 г., а в Милане в 1117 г. При этом всего документов с упоминанием консулов в ломбардских городах за XII в. до нас дошло немногим более 20². Становится очевидным, что формальный подход к вопросу о времени возникновения коммуны, подход, основанный на упоминании первых магистратов, вряд ли работает.

Этим обусловлено появление нового направления в изучении итальянской ранней коммуны, в котором фокус оказался смещен с элит городского населения и консулов, к этим элитам принадлежавших, на проблемы совместного действия, обсуждения и принятия политических решений на городских ассамблеях. В рамках этого направления и само явление коммуны было удревлено, ибо, как констатировал тот же Х. Келлер, «уже около 1060 г. городские ассамблеи принимали решения, обязательные для всех горожан»³. В XXI в. именно это направление исследований стало основным. Следует отметить определенные вехи в его развитии. Так, в 2003 г. альманах «*Le genre humain*» вышел под заголовком «*Qui veut prendre la parole?*» («Кто хочет взять слово?»), а его главной темой стала проблема обсуждения и принятия решений коллективными институтами в разное время и в разных культурах. При этом центральное место в томе заняла именно тема итальянских ассамблей периода ранней коммуны⁴. В 2014 г. вышла первая монография, целиком посвященная раннекоммунальной ассамблее и ее дальнейшим трансформациям⁵.

Итак, исследовательский фокус в изучении ранней коммуны с изучения городских элит⁶ сместился в последнее время на горизонтальные связи коммунального общества в политической плоскости, с социально-экономической проблематики на социально-политическую, которая в гораздо большей степени соответствует характеру нашего исследования. Кроме того, такой перенос потребовал от исследователей пересмотреть свое отношение к источникам.

Большая часть дошедших до нас документов XI–XIII вв. связана с землевладением и сохранилась благодаря монастырским архивам. Заметим, однако, что это не преобладание частного акта, связанного с землевладением и церковью, по сравнению с другими типами документов, а лишь лучшая сохранность церковных архивов. Игнорируя этот факт, мы, как заметил Арнольд Эш, рискуем сделать средние века еще более аграрными и еще более церковными, чем они были на самом деле⁷.

Но для исследований социально-политического устройства (ассамблей, их функционирования) частные земельные акты по большей части непригодны. Публичных актов итальянских городов XI–XIII вв. сохранилось сравнительно мало. Исследователи были вынуждены обратиться к нарративным источникам, дополненным немногими дошедшими до нас публичными актами. При этом перед историком возникает задача соотнесения понятийных аппаратов

нарративных и документальных источников, которые зачастую разнятся. Так, например, возник вопрос о том, нужно ли приравнивать *iudices* документов к *capitanei* хроник, *milites* к *cives maiores*, а *pedites* к *cives minores*?⁸

Перед исследователем социально-политического развития итальянских коммун XI–XIII вв. встают проблемы, схожие с теми, что испытывает историк, занимающийся Новгородом или Псковом XIII–XV вв. Это проблема нехватки документальных источников при относительном изобилии нарративных и, соответственно, проблема соотнесения данных одних с данными других. В русских городах основной массив дошедших до нас грамот имеет частный характер и так или иначе сохранился в составе сборников, чье происхождение связано с церковью. Более половины известных нам сейчас псковских актов были найдены Л. М. Марасиновой в поздних списках XVII в. в столбцах помеотно-вотчинных книг, связанных с псковскими церквями и монастырями⁹. Хотя общий объем частных актов для итальянских коммун этого периода значительно превышает количество сохранившихся не только псковских, но и новгородских документов, для одного отдельно взятого итальянского города картина будет уже несколько иной. Так, больше всего документов (более 3700 единиц) за XII в. дошло по городу Лукка¹⁰. Притом это ничтожно малая часть созданных за XII столетие документов: как подсчитал А. Эш, в среднем в итальянском городе их создавалось несколько десятков тысяч в год¹¹. То есть даже если исходить из минимального объема 10 тыс. документов в год, получается, что из потенциального архива Лукки сохранилось за XII в. в лучшем случае не более 0,4 %. Миланских, например, документов дошло значительно меньше, чем луккских, менее 2 тыс. единиц, что уже количественно может быть сравнено если не с 50 псковскими грамотами, то с более чем 300 (без учета берестяных грамот!) новгородскими. Если же учитывать и берестяные грамоты, то число дошедших новгородских и миланских документов будет весьма близким. Милан находится по объему документации на первых позициях среди итальянских городов. Есть коммуны, по которым документов или не дошло вовсе, или дошло ничтожно мало. Далеко не всегда количество дошедших актов прямо свидетельствует о степени развития коммуны. Так, например, пожар XVI в. уничтожил значительную часть венецианского архива частных актов, но пощадил находившиеся в другом месте документы канцелярии дождей, собрание которой донесло до нас венецианские публичные акты начиная с 1090 г.¹²

Можно утверждать, что сохранность архивов итальянского города за XI–XIII вв. в каждом отдельном случае зависела от стечения обстоятельств. Последнее верно и по отношению к Новгороду и Пскову. Дошедшие до нас грамоты, очевидно, представляют собой незначительное количество от общего числа документов эпохи. Трудно даже гипотетически предположить объем письменной документации в Пскове XIV–XV вв., но в пользу развитой письменной культуры говорят несколько важных обстоятельств. Во-первых, это упоминание в Псковской Судной грамоте (далее — ПСГ) (ст. 38) и псковском летописании ларя

«в сенех» Святой Троицы, использовавшегося в качестве архива¹³. Во-вторых, статьи ПСГ (ст. 29, 32, 38), в которых представление документов («рядниц», «записей») оказывается единственным способом решения судебных споров и прямо воспрещается давать в долг более рубля без составления долговой расписки (ст. 30)¹⁴, очевидно, являются свидетельством того, что роль документов в псковском обществе XIV–XV вв. была высока. Долговых расписок («записей» по терминологии ст. 30 ПСГ) должно было быть много, до нас же не дошла ни одна.

В-третьих, сама разрозненность и неоднородность дошедших до нас псковских грамот говорит о том, что их количество было значительно больше. Среди известных нам псковских частных актов есть: 11 купчих, 7 отдельных, 6 даных, 5 духовных, 4 меновые, 2 жалованные, 2 рядные и 1 «ободная» грамоты. Кроме того, известна еще 1 правая грамота, подробно описывающая суд «господы» и принятие на нем решения. Вряд ли можно предположить, что перед нами хоть сколько-нибудь значительная часть псковской документальной традиции. Скорее, можно говорить о том, что сохранились случайные грамоты, известные зачастую по поздним спискам, составление которых в каждом конкретном случае имело свою уникальную причину¹⁵.

Но *argumentum e silentio* о предполагаемом значительно большем, чем сохранившийся, объеме псковской документации не может полностью объяснить то, почему итальянских документов дошло больше. В Пскове (и Новгороде) в отличие от раннекоммунального итальянского города отсутствовала прослойка *notaio*, образованных мирян, основной функцией которых было составление документов. Самых городов и монастырей, в архивах которых могли бы оседать документы, было значительно меньше. Но можно говорить о том, что вся эпоха «ранней коммуны» — XI–XII вв. для Италии и XIII–XV вв. для Новгорода и Пскова — характеризовалась взрывом количества источников по сравнению с предыдущим периодом. Так, за IX–X вв. в итальянских городах сохранились десятки, иногда единицы документов, за XI в. — сотни, в XII в. их счет идет в некоторых случаях (см. выше) на тысячи. В Генуе за X в. сохранилось 4 документа, за XI — 2, за XII — 425¹⁶. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Новгороде и Пскове XII–XV вв. Так, в Новгороде за XII в. нам известно 9 грамот, причем подлинность некоторых из них является историографической проблемой, за XIII в. тоже 9, за XIV — 42, а за без малого 80 лет XV в. — 258. В Пскове: за XIII в. — 1, за XIV в. — 7, за XV — 46.

Как и в случае с итальянскими коммунами, такое резкое увеличение количества документов в Новгороде и Пскове нельзя объяснить лишь обычной лучшей сохранностью более поздних актов по сравнению с более ранними¹⁷. Разница слишком значительна и должна свидетельствовать о социальных изменениях, о том, что в «коммунальном» обществе на первый план выдвигаются горизонтальные связи, существование которых требует подкрепления письменными соглашениями между равными членами коммуны, в то время как общество с преобладающими вертикальными связями может в большинстве случаев довольствоваться устными распоряжениями.

Количественный рост актового материала — не единственное наблюдаемое в раннекоммунальный период изменение письменной культуры. Еще одним процессом, характерным для этого периода, была первичная кодификация обычного права. В Италии XII в. этот процесс можно наблюдать практически во всех городах. Для них еще нехарактерны полноценные кодексы городского права или статуты, но массовое появление последних в XIII в. произошло на базе тех правовых документов, которые создавались в XII в. Можно выделить два типа таких законодательных актов XII в. К первому принадлежат *Consuetudines* (буквально «обычаи»), т.е. сборники обычного права. Они либо записывались по инициативе самой коммуны, либо представляли в виде правовых привилегий, дарованных городу, как правило, германскими императорами. Ко второму относятся так называемые *breves* (лат.) или *brevi* (вольгаре), буквально «короткие», представлявшие собой клятвы, которые публично приносились при вступлении консулов в должность. Такие клятвы содержали и определенные правовые нормы. Известны два типа таких *breve*: те, которые произносились самими консулами, и те, которые горожане приносили коммуне, при вступлении консулов в должность. От года к году эти *breve* менялись, увеличиваясь в объеме и включая в себя всё новые и новые юридические нормы. Дальнейшее их развитие привело к созданию первых статутов. К сожалению, не дошло ни одной парной клятвы (коммуны консулу и консула коммуне), произносимой в один год. Рассмотрим древнейшие акты такого рода, относящиеся к одному городу — Генуе. Это клятва консулов 1143 г. и клятва горожан 1157 г.

Оба документа значительно уступают ПСГ по размеру и по числу рассматриваемых юридических коллизий. *Breve* горожан 1157 г. содержит обязательство подчиняться консулам (при этом уточняется количество последних) в их справедливых решениях, являться по сигналу колокола на *parlamentum*, т.е. ассамблею, участвовать в войне на стороне Генуи и вообще не вредить ей ничем¹⁸. *Breve* консулов 1143 г. сложнее по составу. После традиционного посвящения следует собственно текст клятвы консула, даваемой при вступлении в должность. Эту клятву кажется целесообразным сопоставить с 3 статьей ПСГ, содержащей клятву посадника при вступлении в степень.

Breve 1143 г.	3 статья ПСГ
Nos non minuemus honorem nostre civitatis, neque proficuum nec honorem nostre matris Ecclesie nobis scientibus. Nos non minuemus iusticiam alicuius nostri concivis pro Communi, neque iusticiam Communis pro aliquo nostro concive, sed equaliter eam observabimus et tenebimus, prout melius rationabiliter bona fide esse cognoverimus ¹⁹ — Мы не нанесем ущерб своими постановлениями ни чести нашего города, ни выгоде, ни чести нашей матери Церкви. Мы не причиним несправедливости какому-либо согражданину в пользу Коммуны, ни Коммуне в пользу согражданина, но будем поддерживать справедливость, лучшим критерием которой, как нам известно, является вера (здесь и далее перевод автора статьи. — А. В.)	А которому посаднику сести на посадниство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мститися ни на кого ж, а судом не отчитися, а правового не погубити, а виноватого не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду на вечи ²⁰

На первый взгляд, между двумя клятвами больше различий, чем сходств. Пожалуй, самым существенным является то, что в *breve* 1143 г. в отличие от ПСГ есть два объекта: отдельный гражданин и коммуна как совокупность сограждан, т.е. налицо представление о коммуне как о юридическом лице. В ПСГ есть только клянущийся посадник и «человек», которого он обязуется судить справедливо. Однако в ПСГ перед нами изложена не сама клятва, а юридически установленное обязательство такую клятву произнести. Соответственно, такой пересказ не содержит формулярных подробностей клятвы, что видно по отсутствию в нем упоминания Бога и веры, чего в силу самого христианского характера клятвы — крестоцелования — в ней не могло не быть. И важно то, что в ПСГ прежде всего содержится упоминание (встречающееся не только в этой статье) коллективного «юридического тела» — *всего Пскова*²¹.

Кроме того, весь текст *breve* 1143 г. свидетельствует о том, что термин «коммуна» еще не сложился. Так, в приведенном отрывке помимо понятия *коммуны* присутствует и понятие *nostra civitas* (наш город), которое следует считать контекстуальным синонимом «коммуны». Далее по тексту встречается еще одно понятие *compagna* (буквально «компания»), в контексте, не оставляющем сомнения, что имеется в виду коммуна Генуи. В дальнейшем в Генуе закрепилось именно последнее понятие *Compagna*. Так, клятва горожан 1157 г. носит название «*Il breve della Compagna*». Такая неустойчивость понятийного аппарата характерна как раз для раннекоммунального периода, когда сам феномен коммуны еще находится в стадии становления. В псковских источниках политическая общность горожан также называется по-разному. Используются следующие понятия: «мужи псковичи», просто «псковичи», «весь Псков», «господин Псков», «господин Великий Псков»²².

Для характеристики генуэзского общества XII в. показательны и те нормы права, что следуют в тексте *breve* 1143 г. непосредственно за самой клятвой.

«*Si aliquis homo vel femina specialiter et meditative in homine nostre Compagne homicidium fecerit, vel in illis qui non fuerint vocati, vel quos cognoverimus non esse utiles intrare in nostram Compagnam, vel in clerico sive in minore qui habitant in nostra Compagna, homicidam illum exiliabimus bona fide et omnia bona illius que invenire poterimus diripiemus et devastabimus, et patri et matri vel filiis vel filiabus aut fratribus sive sororibus aut propinquieribus parentibus illius qui fuerit occisus, qui se voluerint intromittere, laudabimus et affirmabimus omnes proprietates illius qui homicidium fecerit. Et si noluerint se intromittere illis laudabimus ad ecclesiam Sancti Laurentii, et laudabimus et operabimur si homicida ille habuerit filios vel filias ut non sint eius hereditarii*»²³ (Если кто-либо, мужчина или женщина, намеренно совершит убийство члена нашей коммуны (*Compagna*), или того, кто не был в нее призван, или того, кого мы не сочли полезным для вступления в комму-ну (*Compagna*), или клирика, или ребенка, которые живут в нашей коммуне (*Compagna*), то мы подвергнем убийцу изгнанию и отнимем или уничтожим всё принадлежащее ему имущество. Если у убитого будут отец или мать, или

сыновья, или дочери, или братья, или сестры, то мы передадим им всё имущество убийцы, если они захотят принять его (имущество). Если же не захотят, то мы передадим имущество церкви св. Лаврентия и позаботимся о том, чтобы, если у убийцы есть дети, они не смогли ему наследовать).

Но и ПСГ не знает смертной казни за убийство (ст. 96). Генуэзская норма выглядит архаичной по сравнению с ПСГ. В ней не предусматривается даже штраф в пользу коммуны, а только уничтожение и отъем имущества, что скорее напоминает «поток и разграбление» Русской Правды. В случае Генуи всё имущество убийцы должно достаться семье убитого, и только в случае отказа от него оно переходит в собственность церкви св. Лаврентия. То есть генуэзская коммуна еще не воспринимает себя как субъект права, несущий урон в случае убийства одного из ее членов.

Еще более архаичным эта норма выглядит в сочетании с последующими условно «уголовными» нормами *breve* 1143 г.:

«Si de aliqua turri causa preliandi aliquid eiectum fuerit sine licentia consulum, et in veritate cognoverimus quod pro illa iactatione aliquis mortuus fuerit, nos aut turrim destruemus aut illis vel illi, cuius turris fuerit, mille solidos auferemus»²⁴ (Если во время сражения в городе с какой-либо башни без позволения консулов будет что-нибудь брошено, и мы будем достоверно знать, что этим копьём был кто-то убит, то мы или разрушим башню, либо наложим на ее владельца штраф в 1000 солидов).

«Si quis homo nostre civitatis habitator a XIII annis in sursum cultellum vel lesnonem, quem cognoscamus non esse portandum, vel spatam vel lanceam sine licentia nostra, nisi causa exeundi foras, portaverit, tollemus ei sol. XX»²⁵ (Если мы узнаем, что кто-либо, будучи 14 лет от роду или старше, без нашего позволения носит в городе нож, меч или копьё, за исключением случая, когда он выезжает из города, то он будет подвергнут штрафу в 20 солидов).

Убийство штрафом не наказывается, а ношение оружия наказывается. Причем вооруженные дети на улицах Генуи — нормально, а взрослые — нет. Перед нами типичный памятник обычного права, в котором отсутствует продуманная структура. Это отдельные правовые обычаи. Запрет метать что-либо с башен и специальное внимание к башням как таковым вполне объяснимы в контексте эпохи, когда враждующие роды строили в городе башни-крепости, вокруг которых разыгрывались кровавые баталии. Так, древнейшие известные нам *brevi* Пизы (1162 и 1164 гг.) повторяют в заключительных статьях запрет строить башни выше определенной высоты²⁶. Этот запрет восходит еще к 1090-м гг., когда архиепископ Диаберт, ставший впоследствии первым латинским патриархом освобожденного Иерусалима, примирил враждующие стороны, установив на будущее такой запрет²⁷.

Содержание пизанских *brevi* отлично от генуэзских. В них мы находим совершенно иные правовые нормы, которые близки генуэзским только неупорядоченностью и бессистемностью. Очевидно, что в случае с древнейшими ита-

льянскими *brevi* мы имеем дело с первым этапом складывания коммунального законодательства, которое протекало в каждом городе обособленно, с опорой на местные традиции.

ПСГ отражает уже следующую ступень развития городского права по сравнению с итальянскими *breves*. Текст ПСГ — это уже вторичный текст, который переработал свои письменные источники, хотя грамоты, на которых она была основана, до нас и не дошли. Хотя и в ПСГ есть многие архаичные черты, идущие от обычного права (бессистемность, неупорядоченность), она уже ближе к городским статутам итальянских городов, которые появляются в XIII в. как результат развития *brevi*, совмещенных порой с другими источниками права. *Brevi* и ПСГ отражают процесс постепенного складывания правовой системы коммун, просто в разных его стадиях.

Из нарративных источников необходимо рассмотреть памятники коммунального историописания, так как именно в них полнее всего представлены социально-политические институты итальянских коммун и средневековых русских городов. Средневековые итальянские коммуны знали два типа таких источников: анналы и хроники.

Вопрос о сопоставимости древнерусских и западноевропейских нарративных источников рассматривается в монографии Т. В. Гимона, посвященной сравнительному анализу историописания Древней Руси и донорманнской Англии²⁸. Принципы, выработанные исследователем, можно использовать и при сравнении псковских и итальянских раннекоммунальных нарративных текстов.

Т. В. Гимон показал, что разница между анналами и хрониками иногда трудно определима, к тому же некоторые памятники называют себя «анналами» или «хрониками», хотя с нашей точки зрения ими не являются. Анналам, по Т. В. Гимону, присущи следующие черты: отсутствие единого авторского замысла, сухость и скупость в изложении событий, современность записей описываемым событиям, продолжающийся характер. В противоположность этому для хроник характерны: единый авторский замысел, полнота повествования, ретроспективность изложения событий, единовременное создание. Однако изложенные выше определения приложимы лишь к «идеальным типам» хроник или анналов, в реальных текстах эти черты смешаны²⁹. Т. В. Гимон делает вывод, что, хотя древнерусские летописи скорее нужно сопоставлять именно с анналами, тем не менее они имеют и ряд черт, характерных скорее для хроник. Граница между анналами и хрониками объявляется исследователем «проницаемой» и «небесспорной»³⁰.

Возьмем для сравнения с псковскими летописями городскую летопись Пизы — *Annales Pisani*. Этот памятник несет в себе черты одновременно и анналов (погодные статьи, скупость в изложении ранних событий) и хроники (история от сотворения мира), что особенно сближает его с древнерусскими летописями, в основе которых, как известно, лежат летописные своды, продолженные годовыми записями (т.е. записями анналистического характера).

Annales Pisani — это памятник, который дошел в двух редакциях. Первая, написанная по-латыни, представлена несколькими списками, самый древний и полный из которых, датируемый XIII в., хранится в Библиотеке Арсенала в Париже. Текст охватывает события от сотворения мира до 1175 г. Вторая редакция написана на вольгаре, несущем явный отпечаток пизанского диалекта XIV в. Дошла только в одном списке XVI в., описывает события от сотворения мира до 1191 г. При издании памятника события до 1175 г. даются в первой латиноязычной редакции, с вариантами по второй, события 1175–1191 гг. излагаются, соответственно, во второй редакции³¹.

В начале пизанской летописи кратко излагается история от сотворения мира до рождения Христа, состоящая из перечисления временных интервалов: «Ab Adam usque ad Noe fuerunt anni MMCCXLII, generationes X. A Noe usque ad Abraam fuerunt anni MDCCCIII, generationes X» (От Адама до Ноя прошло 2242 года, 10 поколений. От Ноя до Авраама 1803 года, 10 поколений). Затем следует краткое изложение римской истории с упоминаниями событий 2-й Пунической войны, причем даты даются *ab urbe condita* (от основания Рима). Затем упоминается восшествие на престол императора Константина, упоминается смерть Пипина Короткого и Карла Великого, кратко излагаются события раннего средневековья, прежде всего нашествия венгров, после чего повествование переходит собственно к Пизе.

Кстати, уже в этом есть сходство *Annales Pisani* и псковских летописей, в которых также собственная псковская история предваряется событиями общерусской и всеобщей истории, данными в виде отдельных заметок. Ранние пизанские события 971–1078 гг. изложены отрывочно, как отдельные известия, главной темой которых были войны между пизанцами и генуэзцами. После 1078 г. изложение событий становится более подробным. В этом тоже видно сходство с псковскими летописями: до 1308 г. они содержат лишь отрывочные известия и только. С 1308 г. начинается подробное, всё более расширяющееся повествование. И это не случайно. Если с какого-то времени повествование становится более подробным, это может объясняться двумя причинами: или этот момент как-то исторически значим в истории города, или начиная с этого места у составителя был какой-то более подробный источник. Правда, одно объяснение не противоречит другому.

Если мы обратимся к пизанской хронике, то увидим, что наряду с понятием *Pisani* в этом памятнике с 1098 г. начинает использоваться понятие *populus Pisanus* (пизанский народ)³² и это вряд ли случайно. Выше уже говорилось, что между 1088 и 1092 гг. архиепископ Пизы Диаберт разрешил конфликт между враждующими семьями *milites* (осевших в городах мелких рыцарей и министериалов), установив максимально разрешенную высоту частных башен. Гарантом этого впервые выступает *populus pisanus*, понимаемый в контексте документа как коллективная общность жителей города. Решение архиепископ принимал *in commune colloquio civitatis* (на общем собрании города). Это событие известно

в историографии как *Lodo delle torri* (Решение о башнях), а акт³³, в котором оно фиксируется, стал первым документом, в котором упоминается коллективная общность горожан, принимающая решение на городской ассамблее³⁴.

Употребление понятия *populus pisanus* нестабильно, параллельно в том же тексте пизанской летописи используются выражения *pisani* (пизанцы), *homines pisani* (мужи пизанцы), *cives pisani* (граждане или горожане пизанцы), *universus pisanus* (пизанская совокупность)³⁵. Точно так же и в псковских источниках нет единообразия: для обозначения жителей города используются понятия «весь Псков», «мужи псковичи», «псковичи», а позднее «господин (Великий) Псков»³⁶.

Появление таких понятий, как *populus pisanus* (*universus pisanus*) и *весь Псков* соответственно в пизанских и псковских текстах симптоматично. Даже периодическое использование таких понятий в единственном числе для обозначения совокупности людей показывает, что такая совокупность начинает восприниматься как политически и/или юридически обособленное единое тело, коммуна. *Populus pisanus*, *весь Псков* и их синонимы используются в описании строго определенных ситуаций, анализ которых позволяет понять функциональное наполнение понятий.

Populus pisanus встречается преимущественно в двух контекстах. Первый — это ведение Пизой каких-либо военных действий. Самое первое употребление этого понятия в *Annales Pisani* связано с отправкой флота к берегам Святой земли во время первого крестового похода³⁷. Такое словоупотребление в тексте встречается не раз. Например: «*Pisanus populus urbem fortissimam cepit*» (Пизанский народ захватил очень сильно укрепленный город). Здесь, очевидно, *populus pisanus* — это войско, которое ведет боевые действия. Такое употребление этого термина уже отмечалось в литературе³⁸. Использование понятия *populus* в значении армии возвращает латинский язык к периоду римской архаики, когда *populus* было одним из обозначений римской городской милиции³⁹. Не следует, таким образом, видеть в словоупотреблении *populus* какой-либо отсылки к традициям политической культуры позднего республиканского или императорского Рима с ее идеалами гражданственности и народа, понимаемого исключительно в социально-политическом, но не военном смысле. Напротив, мы имеем дело с очень архаичным значением слова, возродившимся благодаря схожести ситуаций (раннекоммунальной Пизы и раннего республиканского Рима), когда политический народ и войско города не отличались по своему составу.

В псковских источниках мы, как можно предположить, имеем дело со схожей ситуацией. Выражение *мужи псковичи* или *весь Псков* также используется при описании военных действий. *Мужичи псковичи*, как и *populus pisanus*, могли захватить, разбить, победить и т.д.

Второй контекст использования выражений *весь Псков* и *populus pisanus* — это заключение мира или получение клятвы. Так, под 1158 г. в пизанском памятнике сообщается: «*Comes Ildebrandinus iuravit fideltatem universo populo pisano*»⁴⁰ (граф Ильдебрандин поклялся в верности всему пизанскому народу),

а ранее при описании заключения мира между папой и Пизой используется следующее выражение «*pace perpetua cum populo Pisano*»⁴¹ (постоянный мир с пизанским народом). Таким образом, выражение *populus pisanus* обозначает носителя высшей власти в Пизе и на подчиненных ей землях.

Нельзя счесть такое употребление понятия *populus* или его синонимов ни специфически пизанским, ни характерным только для нарративных памятников явлением. Рассмотрим пример преамбулы статута города Пьяченцы в сравнении с преамбулой ПСГ.

Преамбула статута Пьяченцы 1135 г.	Преамбула ПСГ
Et hoc statutum est a populo Placentino et in communi concione per sacramentum firmare fecerunt (Этот статут был утвержден народом Пьяченцы на общем собрании (concione)) ⁴²	Ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковских пошлин <...> всем Псковом на вечи ⁴³

Таким образом, мы видим две ипостаси *populus*. Это и совокупность горожан, обладающих верховной властью, утверждающая на ассамблее свод законов, и одновременно ополчение, состоящее из этих же самых горожан и выступающее на войну в случае опасности. Для различения ситуаций мира и войны при созыве городской ассамблеи использовались разные сигналы: по однократному народ собирался на ассамблею без оружия для решения мирных вопросов, таких как выборы консулов, объявление войны, заключение мира, отправки посольства или принятия закона; если же колокол звонил дважды или вместо него в некоторых городах раздавался звук трубы, то взрослые горожане мужского пола, которые и являлись собственно членами коммуны, приходили на площадь с оружием, готовые выступить в поход⁴⁴.

Такой двойственный характер ранней коммуны, как мы предполагаем, соответствует и псковским реалиям. Нам неизвестны сигналы вечевого колокола для разных случаев, хотя то, что вече всегда собиралось по звону колокола, несомненно. Сам способ созывать городскую ассамблею при помощи колокола в указанных случаях и в других средневековых коммунах за пределами Италии, свидетельствует в пользу тезиса о том, что истоки городской ассамблеи и вообще коммуны тесно связаны с христианством⁴⁵.

Само понятие *коммуна* появляется в источниках не сразу. Для раннего коммунального периода характерна понятийная нестабильность. Политическое сообщество горожан обозначается как *populus*, *universus*, *cives* или просто словом, обозначающим жителей данного города, таким как «пизанцы» или «генуэзцы», иногда дополненным каким-нибудь определением. Появляются локальные варианты, характерные для отдельного города, как генуэзское *Compagna*. И только одним из понятий, и то далеко не сразу, становится латинский термин *comune*. Процесс его появления хорошо виден опять-таки на примере *Annales Pisani*. Как мы уже отмечали выше, первым понятием для обозначения политической

общности горожан в этом памятнике стало слово *populus*. *Comune* фиксируется позже, причем изначально как прилагательное, а не как существительное: «Fuit sententia lecta et data in vigilia Assumptionis Sancte Marie per Consules Pisanos et Lucenses, in comuni parlamento Pisanorum, et in comuni parlamento Lucensium»⁴⁶ (Это решение было зачитано накануне дня Вознесения Девы Марии пизанскими и лукскими консулами на общем собрании пизанцев и на общем собрании жителей Лукки).

Этот отрывок описывает события второй половины XII в., и тут *comuni* используется в качестве прилагательного, согласованного с *parlamento*. Если бы оно было существительным, фраза была бы такой: «in comunis parlamento Pisanorum» (на собрании коммуны пизанцев). Точно так же как прилагательное⁴⁷, *comuni* используется и в уже приведенной выше преамбуле статута Пьяченцы 1135 г.: *in comuni concio* (на общем собрании). В *Annales Pisani* первое употребление *comune* в качестве существительного встречается в известии за 1165 г. в составе конструкции *pro Comuni Pisane* (за пизанскую коммуну). Итак, ясно, что понятие появляется позднее, чем возникает само явление, для обозначения которого оно используется. В этой связи уместным кажется вспомнить мнение Л. Штайндорфа, который «отказывал» Новгороду в праве быть коммуной, в частности, на том основании, что само это понятие в новгородских источниках не используется⁴⁸.

Появление понятия *populus Pisanus* в *Annales Pisani* как раз в то же время, что и в актах (в конце XI в.), не случайно. Мы имеем дело с новой политической реальностью, а именно с ранней городской коммуной. Поэтому и в документах, и в хрониках идет поиск терминологии, и неустойчивые поначалу обозначения постепенно сменяются более определенными и постоянными. Аналогичный процесс отразился и в тексте псковских источников: как летописей, так и актов. Там тоже начиная с XIV в. фиксируется новая общность — *мужи псковичи* или *весь Псков*⁴⁹. Как и в Пизе, рождение такой общности примерно совпадает по времени с расширением содержания памятников местного историописания (конец XI в. — Пиза, начало XIV в. — Псков).

Итак, сравнение источников Пскова XIV–XV вв. и итальянских ранних коммун XI — начала XIII в. показывает ряд общих процессов, и есть основания думать, что они отражают во многом сходные политические явления. Эти процессы связаны с ростом письменной культуры. Внезапно увеличилось число документов, появились первые юридические памятники, представляющие во многом запись обычного права, и городские летописи. Сравнительный анализ этого материала позволяет увидеть, как складывались понятия, отражающие рождение и развитие ранней коммуны и осознание себя единым политическим организмом.

¹ Keller H. Gli inizi del commune in Lombardia: limiti della documentazione e metodi di ricerca // L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo. Bologna, 1988. P. 45.

² Ibid. P. 49.

³ Ibid. P. 54.

- ⁴ Le genre humain — Qui veut prendre la parole. Paris, 2003.
- ⁵ *Tanzini L.* A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma–Bari, 2014.
- ⁶ Традиция, заложенная спором между Анри Пирреном и Жеромом Лестокуа.
- ⁷ *Esch A.* Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // *Historische Zeitschrift*. 1985. N 240. S. 529–570.
- ⁸ *Dilcher G.* I comuni italiani come movimento sociale e forma giuridica // *L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo*. Bologna, 1988. P. 71.
- ⁹ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты. М., 1966. С. 5–14.
- ¹⁰ *Keller H.* Gli inizi del commune in Lombardia. P. 57.
- ¹¹ *Esch A.* Überlieferungs-Chance... S. 532.
- ¹² Gli atti originali della cancelleria veneziana. 1090–1198. Venezia, 1994.
- ¹³ Псковские летописи. Вып. I. М.—Л. 1941. С. 79; *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997. С. 40.
- ¹⁴ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997. С. 39–40.
- ¹⁵ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты. С. 5–23.
- ¹⁶ Количество известных генуэзских актов за X–XII вв. дается по изданию XIX в.: *Historiae patriae monumenta. Liber Iurium Republicae Genuensis*. Tom. I. Augustae Taurinorum (Турин), 1854. P. 1–447.
- ¹⁷ Отметим также, что с XV в. происходит переход от пергамента к бумаге. Последняя была значительно более дешевым материалом, что в данном случае важно.
- ¹⁸ Il breve della «Compana» del comune di Genova // *Bordone R.* La società urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 232.
- ¹⁹ Codice diplomatico della repubblica di Genova. T. 1. Roma, 1936. P. 156.
- ²⁰ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота. С. 37.
- ²¹ Там же. С. 37.
- ²² Подробнее см.: *Вовин А. А.* «Весь Псков» и «мужи псковичи»: к вопросу об участии непривилегированного населения в политической жизни вечевых городов // *Новгородский исторический сборник. Великий Новгород*, 2015. Т. 15 (25). С. 113–126.
- ²³ Codice diplomatico della repubblica di Genova... P. 156.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Il «Breve» dei consoli di Pisa del 1162 // *Bordone R.* La società urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 238.
- ²⁷ *Tanzini L.* A consiglio... P. 4.
- ²⁸ *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- ²⁹ Там же. С. 71–78.
- ³⁰ Там же. С. 92–91.
- ³¹ *Annales Pisani*. Roma, 1936. P. 3.
- ³² Ibid. P. 7.
- ³³ I Brevi degli consoli del comune di Pisa degli anni 1162 e 1164. Studio introduttivo, testi e note con un'Appendice di documenti. Roma, 1997. P. 110–113.
- ³⁴ *Tanzini L.* A consiglio... P. 4.
- ³⁵ Напр.: *Annales Pisani*. P. 8.
- ³⁶ *Вовин А. А.* «Весь Псков» и «мужи псковичи»... С. 113–126.
- ³⁷ *Annales Pisani*... P. 7.
- ³⁸ *Redon O.* Paroles, témoignages, décisions dans les assemblées communales en Toscane meridionale aux XII–XIII siècles // *Qui veut prendre la parole*. Paris, 2003. P. 245–246.
- ³⁹ *Штарк Р.* Res Publica // *Res Publica: История понятия*. СПб., 2009. С. 7–67.
- ⁴⁰ *Annales Pisani*... P. 25.
- ⁴¹ Ibid. P. 13.

- ⁴² Solmi A. Le leggi piu' antiche del commune di Piacenza // Archivio storico italiano. 1915. Vol. LXXIII. N 2. P. 56.
- ⁴³ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. С. 37.
- ⁴⁴ Tanzini L. A consiglio... С. 6–10.
- ⁴⁵ Michaud-Quantin P. Universitas. Expressions du mouvement communautaire dans le moyen age latin. Paris, 1970.
- ⁴⁶ Annales Pisani... P. 18.
- ⁴⁷ Далее в тексте пизанских анналов это прилагательное встречается еще не раз в сочетании с разными существительными. Например, в конструкции *pro comuni utilitate* (для общей пользы).
- ⁴⁸ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 234–239.
- ⁴⁹ Вовин А. А. «Весь Псков» и «мужи псковичи»... С. 113–126.

References

- Alekseev Yu. G. Pskovskaya Sudnaya gramota. Tekst. Kommentarii. Issledovanie. [Pskov Judicial Charter. Text. Comments. Studies.]. Pskov, 1997.
- Annales Pisani. Roma, 1936.
- Codice diplomatico della repubblica di Genova. T. 1. Roma, 1936.
- Dilcher G. I comuni italiani come movimento sociale e forma giuridica // L'evoluzione delle citta' italiane nell'XI secolo. Bologna, 1988.
- Esch A. Uberlieferungs-Chance und Uberlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift. 1985. N 240. S. 529–570.
- Gimon T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: Sravnitel'noe issledovanie. [History writing in early Medieval England and Old Rus: a comparative study]. M., 2012.
- Gli atti originali della cancelleria veneziana. 1090–1198. Venezia, 1994.
- Historiae patriae monumenta. Liber Iurium Republicae Genuensis, Tomus I. Augustae Taurinorum, 1854.
- Il «Breve» dei consoli di Pisa del 1162 // Bordone R. La societa' urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 238.
- Il breve della «Compana» del comune di Genova // Bordone R. La societa' urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 232.
- Keller H. Gli inizi del commune in Lombardia: limiti della documentazione e metodi di ricerca // L'evoluzione delle citta' italiane nell'XI secolo. Bologna, 1988. P. 45.
- Lodo delle torri // I Brevi degli consoli del comune di Pisa degli anni 1162 e 1164. Studio introduttivo, testi e note con un'Appendice di documenti. Roma, 1997. C. 110–113.
- Marasino L. M. Novyye pskovskie gramoty. [New Pskov documents]. M., 1966.
- Michaud-Quantin P. Universitas. Expressions du mouvement communautaire dans le moyen age latin. Paris, 1970.
- Pskovskie letopisi. Vyp. I. [Pskov Chronicles. Vol. I.]. M.–L., 1941.
- Redon O. Paroles, temoignages, decisions dans les assemblees communales en Toscane meridionale aux XII–XIII siecles // Qui veut prendre la parole. Paris, 2003.
- Schteindorf L. Pravilno li schitat Novgorod kommunoy? [Can one consider Novgorod a commune] // Spory o novgorodskom veche. Mezhdistsiplinarnyy dialog [Discussion on the Novgorod veche. Interdisciplinary dialog]. SPb., 2012. S. 228–241.
- Solmi A. Le leggi piu' antiche del commune di Piacenza // Archivio storico italiano. 1915. Vol. LXXIII. N2. C. 3–81.
- Stark R. Res Publica // Res Publica: Istoriya ponyatiya. [Res Publica: The history of the notion]. SPb., 2009. S. 7–67.
- Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma–Bari, 2014.
- Vovin A. A. «Ves Pskov» i «muzhi pskovichi»: k voprosu ob uchastii neprivilegirovannogo naseleniya v politicheskoy zhizni vechevyih gorodov [«All Pskov» and «Pskov men»: to discussion about the role of

unprivileged city dwellers in political life of 'veche' cities] // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Velikiy Novgorod, 2015. T. 15 (25). S. 113–126.

Список литературы

- Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997.
- Вовин А. А. «Весь Псков» и «мужи псковичи»: к вопросу об участии непривилегированного населения в политической жизни вечевых городов // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Т. 15 (25). С. 113–126.
- Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. М., 1966.
- Псковские летописи. Вып. I. М.–Л., 1941.
- Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 228–241.
- Шмарк Р. Res Publica // Res Publica: История понятия. СПб., 2009. С. 7–67.
- Annales Pisani. Roma, 1936.
- Codice diplomatico della repubblica di Genova. T. 1. Roma, 1936.
- Dilcher G. I comuni italiani come movimento sociale e forma giuridica // L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo. Bologna, 1988.
- Esch A. Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift. 1985. N 240. S. 529–570.
- Gli atti originali della cancelleria veneziana. 1090–1198. Venezia, 1994.
- Historiae patriae monumenta. Liber Iurium Republicae Genuensis. Tom. I. Augustae Taurinorum (Турин), 1854.
- Il «Breve» dei consoli di Pisa del 1162 // Bordone R. La società urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 238.
- Il breve della «Compana» del comune di Genova // Bordone R. La società urbana nell'Italia comunale. Torino, 1989. P. 232.
- Keller H. Gli inizi del commune in Lombardia: limiti della documentazione e metodi di ricerca // L'evoluzione delle città italiane nell'XI secolo. Bologna, 1988. P. 45.
- Lodo delle torri // I Brevi degli consoli del comune di Pisa degli anni 1162 e 1164. Studio introduttivo, testi e note con un'Appendice di documenti. Roma, 1997. P. 110–113.
- Michaud-Quantin P. Universitas. Expressions du mouvement communautaire dans le moyen âge latin. Paris, 1970.
- Redon O. Paroles, témoignages, décisions dans les assemblées communales en Toscane meridionale aux XII–XIII siècles // Qui veut prendre la parole. Paris, 2003.
- Solmi A. Le leggi più antiche del commune di Piacenza // Archivio storico italiano. 1915. Vol. LXXIII. N 2. P. 3–81.
- Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma–Bari, 2014.

А. А. Вовин. Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв.

В статье проводится сравнительный анализ источников по Пскову XIV–XV вв. и ранней итальянской коммуне. Такой анализ позволяет проследить схожие процессы, происходящие в двух обществах, дистанцированных в пространстве и во времени. Ускоренное развитие письменной культуры (резкое увеличение количества документов, первичная кодификация обычного права, появление городского историописания), прослеживаемое и в Пскове, и в итальянских городах, служит аргументом в пользу основного тезиса о том, что развитие русского средневекового города было схожим с развитием коммун, но началось примерно на два столетия позднее.

Ключевые слова: сравнительная история, средневековый город, городская коммуна, русская средневековая история, летописи, средневековые хроники, анналы, грамоты, средневековый Псков.

A. A. Vovin. Comparative analysis of sources for early Italian communes and Pskov 14th–15th centuries

Comparative analysis of the sources of the Medieval Pskov (14th–15th centuries) and of an early Italian communes (late 11th and 12th centuries). The article focuses on the comparative society development. Through that comparative analysis one can see how a commune political body was shaped, how a new political terminology appeared. That article is an argument pro the main thesis that a Russian Medieval town development was very similar to that one of Western commune, but the former started approximately two centuries later than latter.

Key words: Comparative history, medieval city, medieval town, commune, Russian medieval history, medieval chronicles, common law codification, medieval Pskov.

Вовин, Алексей Александрович, к.и.н., научный сотрудник исследовательского центра «Res Publica» АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

Vovin, Aleksei, PhD, research fellow of the research center «Res Publica» in European University at Saint Petersburg.

E-mail: avovin@gmail.com